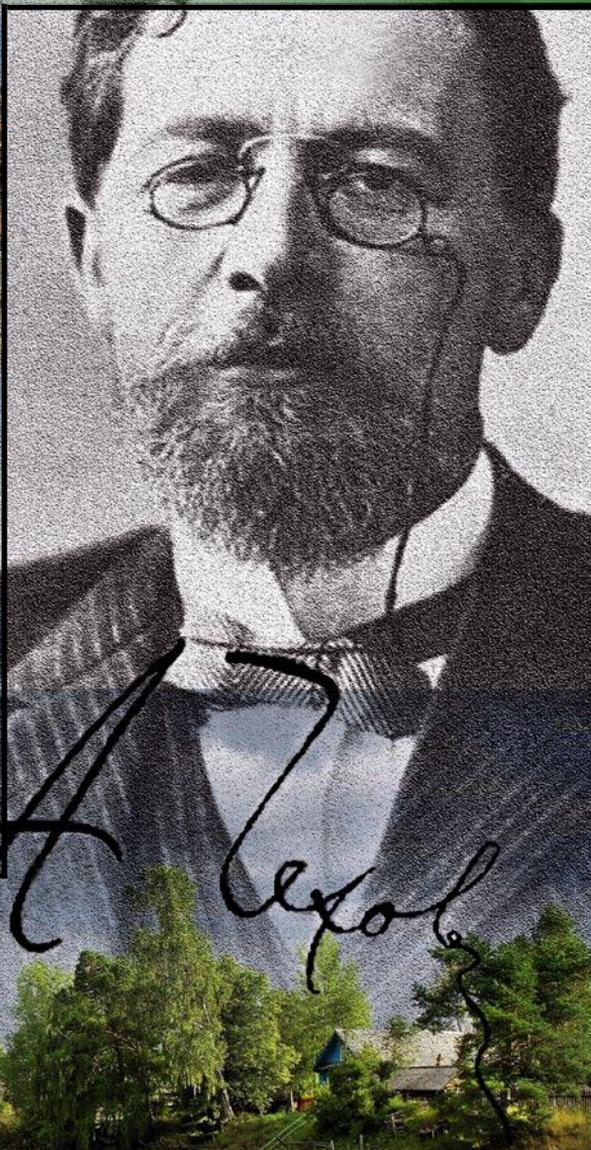

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

6/2018

6+

«Нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли...»

11. Про достойных людей в науке

Я уже не один раз упоминал о том, насколько сильно было притяжение неповторимой личности Н. В. Тимофеева-Ресовского. Сейчас мне хочется сказать об этом чуть подробнее, вспоминая про свои впечатления о той подмосковной школе молодых ученых 65-го года.

В тот год одной из колоритнейших фигур среди наших лекторов был Иосиф Абрамович Рапопорт. Я впервые узнал о нем еще в 50-х годах, когда мне в руки попала стенограмма той самой сессии ВАСХНИЛ, на которой хоронили генетику, что называется «по первому разряду». В «отпевании» этой «буржуазной псевдонауки» отметились большинство выступавших, среди которых был немало известных советских ученых. Ну, а когда было сообщено, что «великий Сталин» лично одобрил доклад Лысенко, «одобрямс» сделался всеобщим. И вдруг я обнаружил, что в опубликованной стенограмме бесстрастно зафиксировано выступление некоего доктора биологических наук И. Рапопорта, который, совершенно невпопад с большинством, вдруг заявил, что классическая генетика — это неотъемлемая часть современной биологии и «закрывать» ее преступно. Он открыто сказал, что Лысенко неправ, его теория ошибочна, а отрекаться от своих научных взглядов — постыдно. Его пытались заглу-

шить почти неприличными злобными криками: «Позор!», «Долой!», «Да кто он такой?», «Кто его сюда пустил?», с шиканьем и требованиями к председателю — «Прекратить это хулиганство!». А он, как стоял под этим «перекрестным обстрелом», так и продолжал стоять на трибуне, не обращая внимания на весь этот шабаш, и напоследок дерзко бросил в лицо своим оппонентам: «Обскуранты!».

Естественно, что результатом «хулиганского» выступления Рапопорта было увольнение его с работы с исключением каких-либо возможностей продолжать занятия генетикой. А, между прочим, к этому времени за ним числилось открытие мирового значения: ведь именно ему (и независимо от него Шарлотте Ауэрбах из Шотландии) принадлежало авторство открытия химически индуцированного мутагеназа. Однако подобные «мелочи» никого не заинтересовали, когда комиссия в райкоме партии обсуждала вопрос о недопустимом поведении члена партии И. А. Рапопорта. Вел он себя вызывающе даже на этой комиссии — он отказался признать ошибочность своих взглядов даже тогда, когда ему сказали, что сам Вячеслав Михайлович Молотов (второй человек в стране после Сталина!) осудил менделистов-морганистов и назвал генетику «буржуазной лженаукой». Он, Иосиф Рапопорт, видите ли, склонен думать, что «разбирается в генетике лучше товарища Молотова» — какова наглость, а!? На это мог быть только один ответ — исключение Рапопорта из партии, что оз-

Продолжение. Начало — в № 1 за этот год.

начало, по сути дела, — «волчий билет» и, стало быть, вообще запрет на работу в каком-либо приличном месте.

Что же он делал после этого? — пошел к геологам-поисковикам в качестве коллектора-лаборанта. Но и здесь оказался очень успешным. Уже через пару лет он смог собрать материал достаточный, чтобы его оформить в качестве кандидатской диссертации. Однако геологическое начальство вовремя спохватилось и не разрешило представлять к защите работу человека с такой сомнительной репутацией. Как видно, жизнь не переставала его трепать, но для него все это, конечно, относилось к разряду мелких житейских неурядиц по сравнению с тем, что он видел и пережил, как боевой офицер во время войны. А военная биография у него была, прямо скажем, незаурядная.

К началу войны он уже был кандидатом биологических наук и, строго говоря, призыву не подлежал, тем более, что у него уже была подготовлена к защите докторская диссертация (он ее смог защитить в 1943 году, когда оказался в Москве на офицерских курсах). В армию записался добровольцем и на фронте прошел весь путь — от младшего лейтенанта до майора, командира батальона и начштаба дивизии. В 1941 и в 1944 годах был тяжело ранен, каждый раз возвращаясь по выздоровлении в строй. Удостоился множества боевых наград, трижды (!) представлялся к званию Героя Советского Союза (это не легенда, все документировано!), но каждый раз представление где-то «застревало» на уровне дивизии или армии.

Вот таков был послужной список у человека, для которого не пустым звуком было понятие человеческого достоинства и чести. Могу добавить, что Иосиф Абрамович вовсе не выглядел, что называется, «сорвиголовой», роста он был среднего, по внешнему виду — ничего похожего на воина, так, «интеллигентик». Но, по свидетельству хорошо его знавших людей, если он «заводился», то его и оглоблять было не остановить.

Изгнание «нечестивого беса» Рапопорта из науки продолжалось почти

10 лет — до 1957 года, когда директор Института химфизики, академик Н. Н. Семенов, взял его в свой институт, несмотря на протесты партийных деятелей. Надо сказать, что в тот момент мнение райкома партии мало что значило для Н. Н. по сравнению с мнением разделившего с ним Нобелевскую премию 56-го года британца лорда Хиншельвуда. А в своих письмах и беседах последний не раз упоминал о блестящих работах Рапопорта по химическому мутагенезу и интересовался его судьбой.

Еще через некоторое время, в 1963 году, уже не в каком-то райкоме, а в Центральном комитете КПСС, снова занялись «случаем Рапопорта». Но в этот раз ему, наоборот, было предложено подать заявление с просьбой о восстановлении членства в партии. Чем же было вызвано такое «лестное» предложение? Может быть, кто-то может подумать, что это означало нечто вроде извинения перед неправедно осужденным? Вовсе нет, причина была совсем в другом. Вдруг оказалось, что его согласие на восстановление в партии было необходимой предпосылкой для того, чтобы советское руководство благожелательно отнеслось к предложению со стороны Нобелевского комитета присудить премию по генетике И. А. Рапопорту (совместно с англичанкой Ш. Ауэрбах). Казалось бы, всего лишь еще один случай ситуации, подобно той, что так легко предлагал разрешить Савельич в «Капитанской дочке»: «Плюнь, батюшка, поцелуй злодею ручку!». Но не тут-то было: этот упрямец И. А. не пожелал поступиться своей честью даже ради высшей награды для ученых: «Я вступал в партию не из-за денег, и не буду восстанавливаться за шестьдесят тысяч долларов!». Стоит добавить, что в партию он вступил на фронте в 43-м году, когда такой шаг не сулил никаких благ, а, напротив, ощутило увеличение и без того значительные риски!

В результате в Стокгольме, не желая повторения недавнего скандала с Но-

белевской премией Б. Пастернака, сняли с обсуждения обе кандидатуры авторов открытия явления химического мутагенеза — и Иосифа Рапопорта, и Шарлотты Ауэрбах. В итоге одно из открытий века так и осталось не отмеченным высшей научной премией.

И, конечно, не могу не вспомнить еще об одном докладчике на нашей школе в Подмосковье, Владимире Павловиче Эфроимсоне. Полемика о деятельности, а правильнее сказать, борьбы, была медицинская генетика, которую у нас начали крушить еще в 20-х и окончательно добились всё на той же сессии ВАСХНИЛ. Причина подобного ожесточения понятна — ведь эта ветвь генетики рассматривала законы наследственности применительно к человеку как к биологическому существу. А для большевиков этот подход был неприемлем в принципе, ибо в их парадигме человек являлся в первую очередь существом социальным, легко поддающимся воспитанию и переделке, чем и занимались тысячи идеологических работников на всех партийных уровнях.

Воспользовавшись кратким периодом хрущевской оттепели, Эфроимсон успел издать в 1964 году книгу «Введение в медицинскую генетику», и я помню, что прочел эту книгу за поем, почти как откровение. Позднее, в 1971 году, он опубликовал в «Новом мире» статью «Родословная альтруизма». В этой статье он, в частности, отмечал: «...Специфика эволюционного развития человечества такова, что естественный отбор был в очень большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, коллективизма, жертвенности... Наоборот, социальный отбор постоянно подымал на верхи пусть и энергичную, но прежде всего наиболее властолюбивую, жадную, бессовестную прослойку человечества». Каково это было читать работникам идеологического фронта нашей партии!

Собственно, именно об этом он нам рассказывал в своей лекции на школе, и, конечно, слушали мы его с воодушевлением. Естественно, вопросов было множество. Прежде всего, бы-

ло очевидно, что в его распоряжении, по сути дела, не было никаких фактических данных, оправдывающих утверждение, что именно генетика играла главную роль в естественном отборе человеческих особей по таким характеристикам, как забота о ближнем и добросердечие. Хотя сама по себе эта гипотеза была признана интересной и, конечно, очень привлекательной, но хотелось бы услышать более доказательные аргументы в пользу ее справедливости. Все усугублялось еще и тем обстоятельством, что сам тезис о том, что взаимопомощь может служить важнейшим фактором эволюции, вовсе не был нов. Его выдвинул и очень детально проанализировал еще в начале XX века не кто-нибудь, а один из столпов социал-демократии в России и крупнейший ученый-географ, князь Петр Алексеевич Кропоткин, о чем, конечно, Эфроимсон не преминул упомянуть. Собственно, идея докладчика и состояла в том, чтобы показать, какие новые возможности открывают представления современной генетики для объяснения происхождения основных норм этического поведения человека.

Лекция В. П. была насыщена эмоциями, но по ее существу возникало множество вопросов. Сама проблема происхождения этических норм настолько не проста, что споры на эту тему могут продолжаться бесконечно долго. Тогда тоже начал было разгораться подобный спор, но кто-то из нас вовремя процитировал Иммануила Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Вступать в спор с нравственным императивом Канта не захотелось ни докладчику, ни слушателю.

И вот здесь, наверное, поучительно вспомнить о некоторых обстоятельствах жизни самого докладчика. Кто, как не он, в далеком 1929 году, будучи всего лишь студентом 4-го курса МГУ, выступил в защиту замечательного генетика профессора С. С. Четверикова, которого арестовали и отправили в ссылку по обвинению в ор-

ганизации конспиративного кружка (это и были знаменитые ДрозСооры!). Естественно, что такого непрошенного «адвоката» из университета немедленно исключили приказом ректора А. Я. Вышинского. Мало того, через три года ему припомнили выступление в защиту Четверикова и обвинили в участии в работе «Вольного философского общества» (которого к тому времени уже давно не существовало!). Результат — на первый раз он за свой альтруизм «заработал» три года концлагеря в горной Шории, на Алтае. Когда освободился, несколько лет работал в разных местах и по результатам работы в мае 1941 года защитил кандидатскую диссертацию. С началом войны пошел добровольцем на фронт, хотя призыву не подлежал. Свидетельством того, как он воевал, может служить следующая выдержка из приказа Военного совета фронта: «...старший лейтенант медслужбы Эфроимсон награжден орденом Красной Звезды за спасение 25 (!) раненых бойцов и командиров из-под завалов после бомбежки».

Казалось бы, суровый опыт фронтовой жизни должен был избавить его от «вредоносных» альтруистических привычек. Но этого не произошло, и в феврале 1945 года он не нашел ничего лучшего, чем подать рапорт командованию о многочисленных случаях изнасилования немецких женщин и детей нашими военными на оккупированных территориях. Тогда он не получил никакого ответа, но его докладная не была забыта — через четыре года, в мае 1949-го, его арестовывают, обвиняют в дискредитации Советской армии и отправляют на 10 лет в концлагерь в Джезказгане.

Но наступил 1953 год, когда «великий вождь и учитель» ушел в лучший мир, и вскоре «качели» жизни Эфроимсона «альтруистический поступок — арест — тюрьма — ссылка» — вроде бы остановились. В 1955 году его реабилитировали, и он смог даже устроиться на работу в Москве. Конечно, не в научном институте, а референтом в библиотеке Иностранной литературы. Однако же уроки жизни не пошли ему впрок, и в том же году он подает в Генеральную

прокуратуру свой трактат «Об ущербе, нанесенном СССР новаторством Лысенко». Этот шаг тоже был продиктован чисто альтруистическими мотивами, поскольку никаких прагматических или эгоистических соображений за ним не стояло. В ответ Генеральная прокуратура даже не пошелохнулась, а вот обиженная им «научная общественность» в лице лысенкоидов среагировала вполне оперативно: его докторская диссертация, успешно защищенная еще перед арестом в 1949 году, так и осталась в ВАКе в «замороженном виде» до 1962 года. Как не без гордости говорил сам В. П., этим был установлен абсолютный рекорд подобно рода «консервации» научного труда.

Вряд ли кто-нибудь возьмется сказать, был ли такой предельно неэгоцентрический характер биографии Эфроимсона определен особенностями его генома или, напротив того, — создан воспитанием в семье. Одно бесспорно — он вполне заслужил моральное право всерьез обсуждать проблемы генезиса альтруистического начала у *Homo Sapiens!* Да, конечно, программа нашей школы была очень насыщенной и разносторонней. Все то, о чем нам говорили в лекциях, было, безусловно, полезным, если даже не в прагматическом смысле, то уж точно — для расширения научного кругозора. Но, пожалуй, не менее важной была возможность непосредственного общения с нашими учителями вне рамок учебных занятий.

Где еще, как не в вечерних «трепях» у костра, можно было услышать о том, как Н. В. начинал свою научную карьеру в 20-х годах. Он рассказывал нам о своих учителях С. С. Четверикове, Н. К. Кольцове или Н. И. Вавилове, которым он обязан не только великолепным образованием и обучением самым необходимым навыкам научного эксперимента, но и тем, что они являли собой примеры той преданности науке, что была присуща лучшим представителям русской интеллигенции.

Н. В. рассказал, как в 1916 году, в самый разгар Первой мировой войны, его учитель Николай Константинович Кольцов организовал первый в ми-

ре Институт экспериментальной биологии. Что подвигло его тогда на этот шаг? Свою основную задачу он сформулировал следующим образом: «сформировать достаточное количество научно-грамотной молодежи... если не будет достаточного количества крупных ученых, которые знают, что делать, и знают, как делать науку, то будет печально!» Здесь стоит остановиться на миг просто для того, чтобы обратить внимание читателя на необыкновенную актуальность для нашего времени слов великого ученого и подлинного патриота, сказанных более 100 лет назад.

Вспоминал он и то, что Николай Константинович до конца своих дней твердо стоял на позиции защиты классической генетики от нападков лысенковцев и выступал в защиту преследуемых. Кстати, именно благодаря Н. К. Кольцову случилась научная командировка Н. В. в Германию, причем он ее устроил в тот момент, когда в университете усиленно распускался очень опасный слух о том, что в гражданской войне Тимофеев-Ресовский воевал якобы на стороне белых в составе какой-то банды. И, конечно, Н. В. не мог забыть и о том, что был фактически спасен от неминуемой гибели благодаря Кольцову, который настойчиво советовал ему даже не думать о возвращении в СССР (напомним, что тогда на дворе стоял 37-й год!).

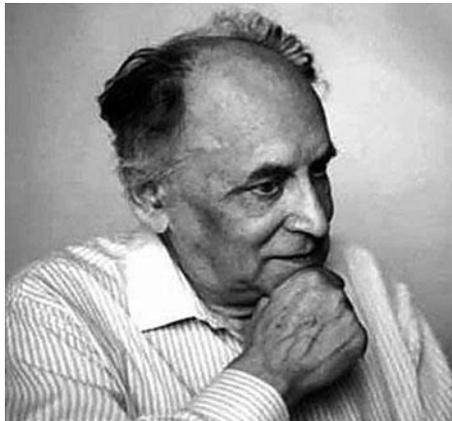
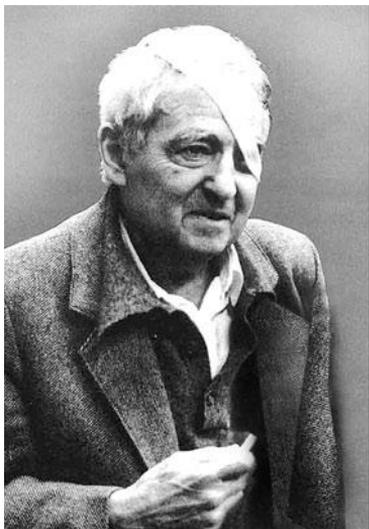
В непринужденных разговорах у костра или в застолье иногда Н. В. любил вспоминать самые разные эпизоды своей богатой биографии. Нам особенно интересно было слушать о его опыте работы за рубежом, где ему довелось встречаться со многими из выдающихся ученых того времени.

Здесь, наверное, будет правильно, если я просто приведу несколько отрывков из главы воспоминаний Н. В. под названием «Боровский круг и другие трепы». Сначала про самого Нильса Бора: «Это очень крупный, очень умный человек, очень замечательный человек по добропорядочности и во всех отношениях... При нем не приживались плохие люди, потому что он тоже всегда говорил, что плохой человек не может быть хорошим ученым, так не бы-

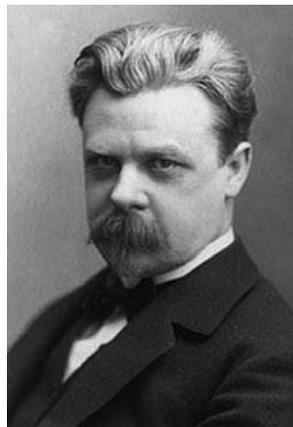
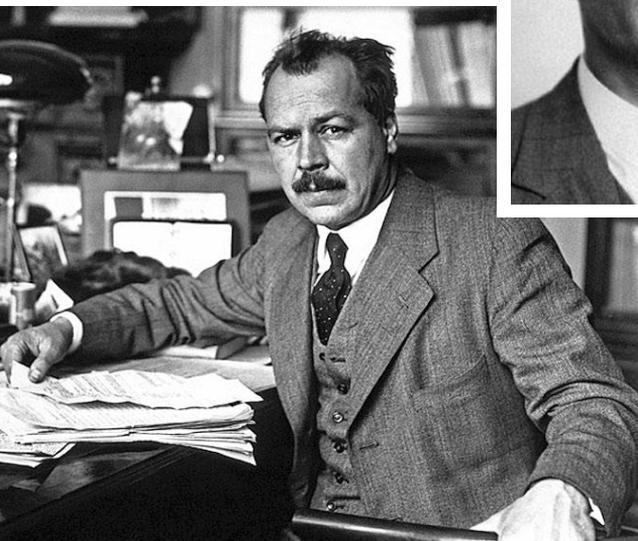
вает. И прав совершенно. Я тоже всегда в жизни придерживался этой точки зрения. Той же точки зрения придерживался Кольцов. И той же точки зрения — Мензбир, учитель Кольцова. Так что в московской школе зоологов это была старая точка зрения».

Если пытаться передать словами то самое существенное, что вынес Н. В. из общения с Бором, то, прежде всего, стоит вспомнить, что именно от него он услышал такое, на первый взгляд странное для ученого, суждение: «Для серьезного развития серьезных наук нет ничего пагубнее звериной серьезности. Нужен юмор и некоторая издевка над собой и над науками». В разговорном варианте у Н. В. это могло звучать еще категоричнее: «Наука — баба веселая, и она не терпит паучьей серьезности». И конечно, на него произвела сильнейшее впечатление та обстановка, в которой проходили научные споры в Боровском кругу: совершенно демократично, иногда очень громко, при полном безразличии к чинам, наградам и званиям выступающих и с предельно критическим и в то же время доброжелательным отношением к докладчику.

Ну, и не один раз в подобных разговорах Н. В. с особой теплотой вспоминал о нашем соотечественнике, великом биологе Николае Ивановиче Вавилове, который был для него образцом подлинного ученого. «Это не человек, а совершенно исключительное явление природы», — в устах Н. В. подобная оценка человека многого стоит. Невероятный кругозор, фантастическая работоспособность и организаторский талант позволили Николаю Вавилову за свою недолгую жизнь сделать так много, что его с полным основанием включают в число выдающихся естествоиспытателей XX века. В своих воспоминаниях Н. В. очень содержательно рассказал и о масштабе личности Вавилова, и о том богатом научном наследстве, что он нам оставил. Вряд ли уместно все это здесь пересказывать. Позволю себе процитировать лишь ключительные слова Н. В.: «Величие Вавилова в том, что, как и часто среди русских людей, будучи великим человеком, великим ученым, он был и ве-

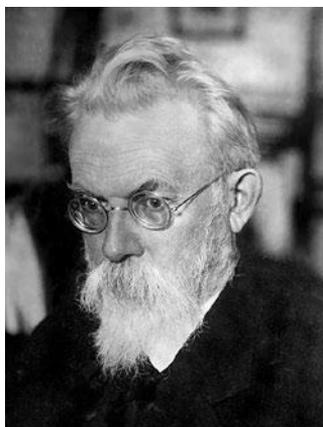
В. П. Эфро-
имсон

Н. К. Кольцов

С. С. Четве-
риков

Н. И. Вавилов

В. И. Вернадский

ликим практиком. Вавилов создал основу для практического упорядочения хозяйствования на шестой части суши.

Наверное, мемуары — не очень подходящее место для вынесения приговоров. Однако, после всего того, что я услышал/узнал о Вавилове и его трагической судьбе, я, не колеблясь, могу утверждать, что при окончательном историческом расчете (а когда-нибудь он все-таки состоится!) смерть Вавилова должна быть отнесена к числу тяжчайших преступлений советской власти и лично Сталина, уровня предательства национальных интересов России.

Совершенно по особому относился Н. В. к Владимиру Ивановичу Вернадскому, одному из замечательнейших ученых XX века. Вспоминая о встречах и разговорах с ним, он не уставал восхищаться поразительной величиной личности этого незаурядного человека. По словам Н. В.: «Вернадский был человек широчайших интересов, почти всеобъемлющих... Он создал...

ряд новых естественно-исторических дисциплин... его интересовали общие идеи о биосфере земли..., в которой основную роль играют живые организмы, отличающие Землю как живую планету от мертвых планет, например, Луны». Его отличали историзм отношения ко всему происходящему и умение отстраняться от политики как чего-то второстепенного и преходящего по сравнению с познанием природы. Глубина и пронизательность его суждений не могут не поражать. В самый разгар (и угар!) построения нового общества на основе идей примитивного коллективизма в 1924 году в письме в Российскую Академию наук он с непримиримой последовательностью отстаивал свою, особую точку зрения: «Я вижу в возвышении отдельной личности и в построении деятельности согласно ее сознанию основное условие возрождения нашей родины».

И, конечно, говоря о Вернадском, нельзя не вспомнить, что в октябре 1941-го, когда немцы стояли под Москвой, в его дневнике появилась запись: «... положение Германии безнадежно... Победа фашистов невозможна, потому что она противоречит законам биосферы». Читатель, не проскочите мимо этой записи и постарайтесь представить себе время, когда она была сделана! — Красная армия фактически разгромлена, немцы окружили Ленинград, подошли на ближние подступы к Москве, в столице — паника и массовая эвакуация. В тот момент сохранить способность смотреть на происходящее с исторической перспективы мог только действительно великий Человек!!!

Вернадский был всемирно известным ученым и, видимо, это и не позволило советскому руководству, что называется, «взять его на поводок» в предвоенное время, когда начали «наводить порядок» в Академии наук. Его не посмели тронуть даже в 1930-м году, когда он, единственный среди академиков, воздержался при голосовании проекта о возвращении смертной казни в УК. На вопрос председательствующего на собрании, почему он

воздержался, В. И. ответил: «Я против смертной казни!». Здесь стоит напомнить, что подобным же образом он поступил в 1906 году, когда вышел из состава Государственного Совета в знак протеста против отказа Совета утвердить представленный Думой закон об отмене смертной казни.

Из множества того, о чем еще вспоминал Н. В., рассказывая о своих разговорах с Вернадским в Берлине, мне более всего запомнилось обсуждение вопроса о происхождении жизни, одного из фундаментальных и «вечных» вопросов естествознания. Обычные ответы Тимофеева-Ресовского на вопросы дилетантов о происхождении жизни звучали примерно так: «Я тогда был маленький и ничего об этом не помню. А если хотите знать точно, то спросите у академика Опарина!». Если же вернуться в русло серьезного разговора, то Н. В. вспоминал, что в своем отношении к этому вопросу Вернадский разделял мнение выдающегося шведского физико-химика Сванте Аррениуса о вечности жизни во Вселенной. В своих воспоминаниях Н. В. так сформулировал свое понимание этой точки зрения: «...По его (С. Аррениуса) мнению, жизнь, по-видимому, вечна в том же смысле, как вечна Вселенная вообще, и является частицей мирового Добра». Судя по всему, подобная точка зрения для Н. В. была естественной и вполне приемлемой.

Можно было бы еще многое вспомнить из того, что рассказывал Н. В. про своих учителей и других незаурядных ученых, с кем ему довелось встретиться. Но уже сказанного достаточно, чтобы повторить вслед за поэтом, с изрядной долей грусти:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И всё разрешено.

Давид Самойлов, 1966

Продолжение следует